

DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-490-500

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Социализм и/или христианство: влияние взглядов Ф.М. Достоевского на роман С. Лагерлёф «Чудеса Антихриста»

К.Р. Андрейчук

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук (ИМЛИ РАН),
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, 25а*

✉ enantiosemia@yandex.ru

Аннотация. В 1880-е гг. Ф.М. Достоевский воспринимался в Швеции как писатель революционный, поэтому велико было внимание к его политическим взглядам, под влияние которых попала и С. Лагерлёф, читавшая Достоевского по-шведски, по-датски и, возможно, по-французски. В романе «Чудеса Антихриста» (1897) С. Лагерлёф повествует об Италии – стране католической, в которой церковь имеет гораздо больше власти, чем в протестантских странах. В связи с этим Лагерлёф актуализирует представленные в «Братьях Карамазовых» и других романах размышления Ф.М. Достоевского о связи государства и церкви. Ключевой вопрос, интересующий и Ф.М. Достоевского, и С. Лагерлёф – может ли царство Христово быть построено человеком на земле, когда сам Христос сказал: «Царство моё не от мира сего». Наиболее подробно Ф.М. Достоевский разбирает эту проблему в неоконченной статье «Социализм и христианство», которую С. Лагерлёф читать не могла, однако она, несомненно, была знакома с вложенными в уста старца Зосимы и князя Мышкина мыслями Достоевского по этому поводу. В романе С. Лагерлёф «Чудеса Антихриста» главный герой, мечтавший в детстве, как Алёша Карамазов, стать священником, становится социалистом. На знамя социализма в романе Лагерлёф поднято поддельное изображение Христа, на котором написано «Царство моё лишь на земле». Это изображение творит чудеса – но только связанные с земными благами. В конце романа Лагерлёф приходит к выводу (вложенному в уста Папы Римского), что это изображение не надо уничтожать, а надо «примирить землю с небесами». Этот вывод согласуется со идеями Достоевского о «вселенской церкви, осуществленной на земле».

Ключевые слова: социализм, христианство, Ф.М. Достоевский, «Братья Карамазовы», С. Лагерлёф, «Чудеса Антихриста»

Благодарности и финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-90044 Достоевский «„Записки из подполья“ Ф.М. Достоевского и проблема „подпольного человека“ в культуре Европы и Америки конца XIX – начала XXI вв.».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

История статьи: дата поступления в редакцию – 12 мая 2021 г.; дата принятия к печати – 6 июля 2021 г.

Для цитирования: Андрейчук К.Р. Социализм и/или христианство: влияние взглядов Ф.М. Достоевского на роман С. Лагерлёф «Чудеса Антихриста» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 3. С. 490–500. doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-490-500

Socialism and/or Christianity: F.M. Dostoevsky's Influence on S. Lagerlöf's Novel *Antichrist's Miracles*

Kseniia R. Andreichuk

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science,
25a Povarskaya St, Moscow, 121069*

✉ enantiosemia@yandex.ru

Abstract. In the 1880s. F.M. Dostoevsky was perceived in Sweden as a revolutionary writer, therefore there was great attention to his political views, which influenced among others S. Lagerlöf, who read Dostoevsky in Swedish, Danish and, possibly, in French. In the novel *Antichrist's Miracles* (1897) S. Lagerlöf talks about Italy, a Catholic country where the church has much more power than in Protestant lands. In this regard, Lagerlöf actualizes F.M. Dostoevsky's reflections on the connection between the state and the church, presented in *Brothers Karamazov* and other novels. The key question that interests both F.M. Dostoevsky and S. Lagerlöf is whether people can build the kingdom of Christ on earth when Christ said: "My kingdom is not of this world". F.M. Dostoevsky examines this problem in most detail in the unfinished article *Socialism and Christianity*, which S. Lagerlöf could not read, but she was undoubtedly familiar with Dostoevsky's thoughts on this matter put into the mouths of Zosima and Prince Myshkin. In S. Lagerlöf's novel *Antichrist's Miracles*, the main character becomes a socialist, though he dreamed of becoming a priest in childhood, like Alyosha Karamazov. A fake image of Christ with the words "My kingdom is only on earth" becomes a banner of socialism in Lagerlöf's novel. This image works wonders but only related to earthly goods. At the end of the novel, Lagerlöf comes to the conclusion (put into the mouth of the Pope) that this image should not be destroyed, but "the earth should be reconciled with heaven". This conclusion is consistent with Dostoevsky's ideas about the "universal church realized on earth".

Keywords: socialism, Christianity, F.M. Dostoevsky, "Brothers Karamazov", S. Lagerlöf, "Antikrists mirakler"

Acknowledgements and Funding. The article was written as part of research grant project RFBR № 18-012-90044 Dostoevsky "Notes from Underground by F.M. Dostoevsky and the problem of 'underground man' in the culture of Europe and America of late XIX – early XXI centuries".

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: received: May 12, 2021; accepted: July 6, 2021.

For citation: Andreichuk, K.R. (2021). Socialism and/or Christianity: F.M. Dostoevsky's Influence on S. Lagerlöf's Novel *Antichrist's Miracles*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(3), 490–500. (In Russ.) doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-490-500

Вопросу влияния этики Ф.М. Достоевского на С. Лагерлёф посвящено некоторое количество отечественных исследований, например, работы О.С. Сухих «Художественное воплощение конфликта идеи и природы в „Преступлении и наказании“ Ф.М. Достоевского и произведениях С. Лагерлёф: „Изгой“, „Деньги господина Арне“, „Отлученный“» [1], Д.В. Кобленковой «Творчество С. Лагерлёф и традиции русской классической литературы (роман „Император Португальский“» [2], А.Н. Иванова «Сельма Лагерлёф и русская культура» [3], А.О. Львовского «„Идиот“ Ф.М. Достоевского и шведская литература начала XX века» [4]. Однако эти исследования не принимают во внимание тот факт, что в 1880-е гг., в период так называемого «русского бума» (*den stora Rysslandsvurmen*) в Швеции, Ф.М. Достоевский был воспринят прежде всего, как писатель политический, как представитель революционно настроенной России [1. С. 39]. Такая особенность рецепции обусловлена, во-первых, тем, что в русской литературе шведы искали в первую очередь информацию о мало известной им России, а во-вторых, влиянием французской критической традиции Эжена Мельхиора де Воюэ. Вслед за Воюэ автора «Преступления и наказания» (“*Raskolnikow*” в шведском переводе Д. Хектора) приветствовали либеральные скандинавские авторы, такие как Георг Брандес (об отношении Брандеса к России и русской литературе см. [5]) и Густав аф Гейерстам, в результате чего имя автора стало прочно ассоциироваться с политическим и культурным радикализмом, движением «Молодая Швеция» и датской литературой «современного прорыва».

«Политическая» рецепция Достоевского в Скандинавии, безусловно, повлияла на С. Лагерлёф: она не могла не читать, например, содержащую главу о Достоевском книгу «Русские впечатления» (*Indtryk fra Rusland*, 1888) Г. Брандеса, сыгравшего благодаря своей рецензии на «Сагу о Йёсте Берлинге» решающую роль в ее литературной карьере. Рецепция С. Лагерлёф политических убеждений Ф.М. Достоевского, в частности его взглядов на социализм, связанных, разумеется, с его этикой и философией, является важным, но мало исследованным аспектом влияния Ф.М. Достоевского на шведскую писательницу, посвятившую один из своих романов – «Чудеса Антихриста» (*Antikrists mirakler*, 1897) – рассмотрению социализма с религиозной точки зрения. Единственной известной нам работой, в которой упоминается Достоевский в связи с этим романом, является статья Т.В. Колчевой «Антиутопические мотивы в романе Сельмы Лагерлёф „Чудеса Антихриста“ и в „Краткой повести об антихристе“ философа Владимира Соловьева», однако в ней речь идет не о прямом влиянии, а о традиции, заложенной «Легендой о Великом инквизиторе».

Итак, какие произведения Ф.М. Достоевского, в которых поднимается эта тема, могла С. Лагерлёф прочитать к 1897 г. – времени написания романа «Чудеса Антихриста»?

Исследовательница творчества Сельмы Лагерлёф У.-Б. Лагеррот сообщает, что русская литература (в особенности Толстой, но в некоторой степени и Достоевский) была хорошо представлена в библиотеке семьи Гумелиусов, которая стала излюбленным местом Сельмы Лагерлёф [6. Р. 386], а в библиотеке Лагерлёф в Морбакке имеется зачитанный экземпляр перевода «Преступления и наказания» на шведский 1884 года (перевод Д. Хектора) [6. Р. 162]. Романы «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы» были переведены на шведский уже в XX веке, однако С. Лагерлёф, скорее всего, читала их по-датски: в годы пребывания в Ландскруне она вращалась в копенгагенских литературных кругах (Ландскруну и Копенгаген разделяет лишь пролив Эресунн) и была знакома с сестрой писателя Хольгера Драхмана, переводчицей Эрной Юэль-Хансен [6. Р. 388], перу которой принадлежат датские переводы (с немецкого) романов «Бесы» (*Nihilister*, 1886) и «Идиот» (*Fyrst Myschkin*, 1887). В это же время вышел и анонимный перевод на датский «Братьев Карамазовых» (*Brødrene Karamazov*, 1889) – романа, который С. Лагерлёф могла также читать по-французски. В значительной мере посвященные проблеме «русского социализма» «Дневник писателя», «Записки из подполья», очерк «Пушкин» и неоконченная статья «Социализм и христианство» вряд ли были доступны С. Лагерлёф.

Роман «Чудеса Антихриста» повествует о событиях, произошедших в Италии, и написан после поездки в Италию, специально предпринятой Сельмой Лагерлёф для сбора материала. Сельма Лагерлёф, верующая протестантка, повествует о стране католической, о стране, где церковь имеет гораздо больше власти, чем в России или Швеции.

Известно отношение Ф.М. Достоевского к католицизму: его князь Мышкин говорит, что католичество – «вера нехристианская», «даже хуже самого атеизма», так как «атеизм только проповедует нуль, а католицизм идет дальше: он искаженного Христа проповедует, им же оболганного и поруганного, Христа противоположного! Он антихриста проповедует» [7. С. 78]. Причина такого отношения к католицизму – как раз в его связи с государством земным: «Римский католицизм верует, что без всемирной государственной власти церковь не устоит на земле, и кричит: Non possumus! По-моему, римский католицизм даже и не вера, а решительно продолжение Западной Римской империи, и в нем все подчинено этой мысли, начиная с веры. Папа захватил землю, земной престол и взял меч; с тех пор все так и идет, только к мечу прибавили ложь, пронырство, обман, фанатизм, суеверие, злодейство, играли самыми святыми, правдивыми, простодушными, пламенными чувствами народа, все, все променяли за деньги, за низкую земную власть. И это не учение антихристово?!» [7. С. 78] В «Бесах» также читаем: «Римский католицизм уже не есть христианство. Рим провозгласил Христа, подавшегося на третье дьяволово искушение, возвестив всему све-

ту, что Христос без царства земного на земле устоять не может, католичество тем самым провозгласило антихриста и тем погубило весь западный мир» [8. С. 40].

Связи церкви и государства, какой она существует и какой она должна быть, посвящена знаменитая глава «Великий инквизитор», показывающая, чем становится земная власть без Христа, и пятая глава второй книги «Братьев Карамазовых» «Буди, буди», в которой Иван Карамазов пересказывает старцу Зосиме и другим содержание своей статьи. В этой статье Иван спорит с неким духовным лицом, утверждающим, что «церковь занимает точное и определенное место в государстве», что «уголовная и судно-гражданская власть не должна принадлежать церкви и несовместима с природой ее» и что «церковь есть царство не от мира сего» [9. С. 120–121]. Иван возражает ему, что, «напротив, церковь должна заключать сама в себе все государство, а не занимать в нем лишь некоторый угол, и что если теперь это почему-нибудь невозможно, то в сущности вещей несомненно должно быть поставлено прямою и главнейшею целью всего дальнейшего развития христианского общества» [9. С. 120]. Иван Карамазов видит достоинство церкви-государства (которую Миусов называет «прекрасной утопической мечтой об исчезновении войн, дипломатов, банков и проч.», «чем-то даже похожим на социализм» [9. С. 123]) в том числе в уменьшении количества преступлений, так как если сейчас преступник может сказать себе: «Украл, дескать, но не на церковь иду, Христу не враг», то «когда церковь станет на место государства, тогда трудно было бы ему это сказать, разве с отрицанием всей церкви на всей земле: «Все, дескать, ошибаются, все уклонились, все ложная церковь, я один, убийца и вор, – справедливая христианская церковь» [9. С. 123–124]. Именно на этот аргумент старец Зосима возражает, что «церковь, как мать нежная и любящая, от деятельной кары сама устраняется, так как и без ее кары слишком больно наказан виновный государственным судом, и надо же его хоть кому-нибудь пожалеть» [9. С. 125].

Этот спор, по всей видимости, заинтересовал С. Лагерлёф, представившей свою точку зрения на судьбу отлученных от общества и церкви в романе «Отлученный» (*Bannlyst*, 1918) и рассказе «Изгой» (*De fågelfrie*, 1894), связь которых с романом «Преступление и наказание» (но не с «Братьями Карамазовыми») подробно рассмотрена О.С. Сухих [1]. В романе «Отлученный» герой, съевший мясо товарища в полярной экспедиции, подвергается гонениям со стороны людей, сердца которых были «так полны веры и справедливости, что в них не хватило места для сострадания» [10. С. 24]. В рассказе «Изгой» юноша Турд встает перед выбором: получить государственное и церковное прощение за приписываемую ему кражу, предав своего друга, который и внушил ему заветы Христа, или остаться жить с ним, убийцей монаха. Турд выбирает третий путь: приводит друга к раскаянию, правда, убивает его, спасая собственную жизнь.

Главный герой романа С. Лагерлёф «Чудеса Антихриста» Гаэтано Алагона напоминает Алёшу Карамазова: в детстве он тоже мечтал стать священником, но потом его соблазнил мир в лице родственницы, приехавшей забрать его из монастыря в селение у подножья Этны. Она так красочно рассказывала о «горе гор» Монджибелло (т. е. Этне), что мальчик не смог устоять. Как сказал его воспитатель, патер Иосиф, «весь мир подошел к нему и манил его» [11. С. 36]. Интересно, что Этна считалась в средневековой христианской мифологии вратами ада [12. С. 162]. Искушение мирским С. Лагерлёф приравнивает к искушению дьяволом, описывая внезапную решимость мальчика покинуть монастырь как некие чары, наложенные на него: «Очутившись снова на коленях донны Элизы, Гаэтано почувствовал себя таким счастливым, что не был уж в состоянии бежать от нее. Он был в плену, как если бы он вошел в Монджибелло и гора сомкнулась за ним» [11. С. 37]. Если старец Зосима благословляет Алёшу на служение в миру, то патер Иосиф говорит лишь, что мальчик будет сильнее тосковать по миру, если останется в монастыре, а «если он увидит землю – быть может, он снова вернется к небесам» [11. С. 36].

Впрочем, священником Гаэтано хочет стать из довольно корыстных побуждений: чтобы им восхищались, чтобы он слышал «вокруг себя рокот народного моря» [11. С. 39]. Лагерлёф оставляет и другие приметы неистинной веры Гаэтано: так, например, он убеждает свою возлюбленную Микаэлу молиться Мадонне, угрожая ей «погрязнуть в грехе и кончить смертью» [11. С. 83], если Мадонна не даст ей то, чего Микаэла просит.

Побывав в Англии, Гаэтано становится социалистом. В разговоре с Микаэлой он противопоставляет социализм, заботящийся о земле, религии, радеющей о том, что будет после земной жизни: «Подумайте о земле! – говорит он <социализм>, – как христианство взывало: „Подумайте о небе!“ Оглянитесь кругом себя! Разве земля – не единственное, чем мы владеем? Поэтому мы должны устроить так, чтобы быть счастливыми в этой жизни. Почему, почему не подумали об этом раньше? Потому что мы слишком были заняты тем, что наступит после. Ах, что нам до того? Земля, земля, донна Микаэла! Мы – социалисты, мы любим землю! Мы поклоняемся священной земле, бедной, презираемой матери, которая скорбит о том, что сыны ее стремятся к небу» [11. С. 134]. О социализме он говорит в религиозных терминах: «Апостолы распространят наше учение, мученики пострадают за веру, и толпы людей перейдут на нашу сторону» [11. С. 134].

Гаэтано «не верит больше ни в Бога, ни в святых» [11. С. 125], из убежденного католика став еще более ревностным социалистом. Об Алёше Достоевский тоже говорит, что «если б он порешил, что бессмертия и Бога нет, то сейчас бы пошел в атеисты и социалисты (ибо социализм есть не только рабочий вопрос, или так называемого четвертого сословия, но по преимуществу есть атеистический вопрос, вопрос современного воплощения атеизма, вопрос Вавилонской башни, строящейся именно без Бога, не для достижения небес с земли, а для сведения небес на землю)» [9. С. 78].

Гаэтано не просто один из социалистов, но их опасный вождь, что (пусть Гаэтано уже и отрекся от христианства) согласуется с репликой Миусова в «Братьях Карамазовых», который, говоря о некоем господине, пересказывает его слова: «Мы, – сказал он, – собственно этих всех социалистов – анархистов, безбожников и революционеров – не очень-то и опасаемся; мы за ними следим, и ходы их нам известны. Но есть из них, хотя и немного, несколько особенных людей: это в бога верующие и христиане, а в то же время и социалисты. Вот этих-то мы больше всех опасаемся, это страшный народ! Социалист-христианин страшнее социалиста-безбожника» [9. С. 128].

Роман «Чудеса Антихриста» начинается с противопоставления земной власти – цезаря – и власти небесной – только что родившегося Христа. Старая сибилла указывает зазнавшемуся цезарю на хлев с младенцем и говорит: «Вот бог, которому будут поклоняться на вершине Капитолия», а потом уточняет пророчество: «На высотах Капитолия будут поклоняться обновителю мира, Христу или Антихристу, но не смертному человеку» [11. С. 9]. В честь этого пророчества на Капитолии вместо храма, посвященного цезарю, строят базилику, в которой поклоняются нерукотворному изображению младенца-Христа. Этот момент поглощения церкви Христовой римским государством можно соотнести со словами Ивана Карамазова: «...в древние времена, первых трех веков христианства, христианство на земле являлось лишь церковью и было лишь церковь. Когда же римское языческое государство возжелало стать христианским, то непременно случилось так, что, став христианским, оно лишь включило в себя церковь, но само продолжало оставаться государством языческим по-прежнему, в чрезвычайно многих своих отправлениях» [9. С. 121].

После «античного» пролога С. Лагерлёф переносит повествование в XIX век, когда богатая англичанка, которой полюбили изображение Христа, хранившееся в базилике, изготавливает поддельную икону, на которой выцарапывает надпись «Царство мое лишь на земле», как будто боясь, «что сама не отличит одно изображение от другого» [11. С. 14]. Изображение попадает к мятежникам, которые поднимают его как знамя, а один из них, человек ученый, начинает проповедовать в мире новую доктрину, «названную социализмом, но <являющуюся,> в сущности, ничем иным, как антихристианством», учащим «любви, самоотречению и страданию, как и христианство, и во всем оно подобное ему, как поддельное изображение в Ага соеі было подобно истинному изображению Христа» [11. С. 21] (ср. с дневниковой записью Ф.М. Достоевского: «Социализм назвался Христом и идеалом» [13. С. 193]). Человек, поднявший фальшивого Христа на знамя, несет миру весть: «Царство ваше лишь на земле. Поэтому вы должны заботиться только об этой жизни и жить, как братья. Вы должны разделить ваши богатства, чтобы не было ни богатых, ни бедных. Вы все должны работать, земля должна принадлежать всем, и вы все должны быть равны. Никто не должен

голодать или утопать в излишестве, и никто не должен терпеть нужду в старости! И вы должны думать о всеобщем благе, так как вас не ждет никакое вознаграждение. Царство ваше лишь на земле!» [11. С. 21].

Сравнение с антихристианством социализма, поднявшего на флаг фальшивого Христа, согласуется со словами старца Зосимы: «...когда же вы-то воздвигнете здание свое и устроитесь справедливо лишь умом своим, без Христа? <...> Мыслят устроиться справедливо, но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью, ибо кровь зовет кровь, а извлечший меч погибнет мечом» [9. С. 436], а выражение «Царство мое лишь на земле» отсылает к библейскому изречению «Царство Мое не от мира сего», которое обсуждают на совете у старца Зосимы: Иван в своей статье спорит с тем, что «церковь есть царство не от мира сего» [9. С. 121].

В романе «Чудеса Антихриста» поддельное изображение Христа способно творить чудеса: давшие ему обет сицилийцы получают то, о чем они просят, будь то возвращение былой популярности кукольного театра или отмена решения о превращении церкви в театр. Главное же чудо Антихриста в том, что изображение способствует строительству вокруг Этны железной дороги, которая поможет селению Диаманте победить нищету, т. е. построит град небесный на земле (Лагерлёф постоянно подчеркивает, что Диаманте кажется волшебным неземным городом, например: «...ей казалось, что она снова узнает старое волшебное Диаманте, которое находится не на земле, а приютилось, как священный городок, на небесной горе» [11. С. 155]). Таким образом, чудотворное изображение несет социализм: о нем говорят, что «если власть будет в его руках, бедные станут богатыми, а у богатых тоже останется довольно» [11. С. 295]. Однако поддельный Христос помогает только в том, что касается земных благ: женщина, просящая о прощении за предательство, ничего не получает и сходит с ума, а когда патер Гондо, собираясь сжечь изображение, призывает народ вспомнить хоть один пример того, как изображение сделало кого-то верующим, или даровало отпущение грехов, или открыло кому-нибудь глаза на благость Господню, оказывается, что «жители Диаманте просили только о выигрышах в лотерею и урожае, о насущном хлебе, здоровье и деньгах» [11. С. 329].

Однако после изгнания фальшивой иконы жители Диаманте не обращаются к истинному Христу, а становятся «неверующими и социалистами» [11. С. 335]. Папа Римский говорит патеру Гондо, что тот поступил неправильно, свергнув фальшивого Христа: надо было «примирить землю с небесами», «овладеть народным движением, пока оно еще как спеленатый младенец лежало в колыбели... отнести его к ногам Иисуса, и тогда Антихрист увидел бы, что он не что иное, как поддельное изображение Христа и признал бы своего Господина и Владыку». Таким образом, Сельма Лагерлёф решает дилемму о вреде, или, наоборот, ценности власти, приносящей счастье на земле, но не благословленной сверху, заложенную Ф.М. Достоевским в Легенде о Великом инквизиторе. Ответом Великому инквизитору, своеобразным «поцелуем в уста», отвергающим сказанное, но не осуждающим го-

ворящего, звучит концовка романа «Чудеса Антихриста» – якобы сицилийская легенда о том, что несовершенство мира задумано Богом, и этическая максима, которую папа Римский – персонаж Лагерлёф – выводит из этой легенды: «Никто не может избавить людей от страданий, но многое простится тому, кто придаст им мужества переносить их!» (“Ingen kan frälsa människorna från deras sorger, men den förlätes mycket, som föder hos dem nytt mod att bära dem!”) [14. P. 430] Первая часть максимы – отвержение идеи о том, что человек или созданное человеком учение может осчастливить всё человечество – ясна и много раз повторена в романе. Вторая же часть (прощение) возвращает нас к Достоевскому и Христу, прощающему Великому инквизитору, и показывает если не готовность, то желание Лагерлёф «поцеловать в уста» социалистов-«антихристиан».

Таким образом, С. Лагерлёф приходит к выводу, сходному с выводом Ф.М. Достоевского, сделанным им в незаконченной и не переведившейся во времена Лагерлёф на шведский статье «Социализм и христианство», фрагменты которой входят в «Дневник писателя»: «Вся глубокая ошибка... в том, что не признают в русском народе церкви. Я не про здания церковные теперь говорю и не про причты, я про наш русский „социализм“ теперь говорю (и это обратно противоположное церкви слово беру именно для разъяснения моей мысли, как ни показалось бы это странным), цель и исход которого всенародная и вселенская церковь, осуществленная на земле, пополю земля может вместить ее» [15. С. 18–19]. И Лагерлёф, и Достоевский говорят о возможности развития социализма, пока являющегося антихристианством, в христианскую церковь, если земное счастье будет строиться во имя Христа.

Библиографический список

- [1] Сухих О.С. Художественное воплощение конфликта идеи и природы в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского и произведениях С. Лагерлёф: «Изгой», «Деньги господина Арне», «Отлученный» // Секреты мастерства. Этика, религия, эстетика в творчестве Сельмы Лагерлёф. М.: РГГУ, 2018. С. 172–183.
- [2] Кобленкова Д.В. Творчество С. Лагерлёф и традиции русской классической литературы (роман «Император Португальский») // Россия и Скандинавия: Литературные взаимодействия на рубеже XIX–XX вв. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 313–322.
- [3] Иванов А.Н. Сельма Лагерлёф и русская культура. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Ivanov_Lagerlof (дата обращения: 10.06.2021).
- [4] Львовский А.О. «Идиот» Ф.М. Достоевского и шведская литература начала XX века // Скандинавская филология. 1999. № 6. С. 158–165.
- [5] Nolin, B. Den gode europén. Studier i Georg Brandes' idéutveckling 1871–1893. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1965.
- [6] Lagerroth, U.-B. Kärkaren och Bannlyst : motivoch idéstudier i Selma Lagerlöfs 10-talsdiktning. Stockholm: Bonnier, 1963.
- [7] Достоевский Ф.М. Идиот. Часть четвертая // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Мир книги, Литература, 2008. С. 7–140.
- [8] Достоевский Ф.М. Бесы. Часть вторая // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. М.: Мир книги, Литература, 2008. С. 7–204.

- [9] *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. М.: Эксмо, 2007.
- [10] *Лагерлёф С.* От смерти к жизни / пер. со швед. Е.Н. Благовещенской. Петроград: Изд-во «А.Ф. Маркс», 1924. 197 с.
- [11] *Лагерлёф С.* Полное собрание сочинений. Т. VI: Чудеса Антихриста / пер. В. Корш. М.: Издание В. М. Саблина, 1910. 338 с.
- [12] *Колчева Т.В.* Антиутопические мотивы в романе Сельмы Лагерлёф «Чудеса Антихриста» и в «Краткой повести об антихристе» философа Владимира Соловьёва // *Секреты мастерства. Этика, религия, эстетика в творчестве Сельмы Лагерлёф.* М.: РГГУ, 2018. С. 159–171.
- [13] *Достоевский Ф.М.* Социализм и христианство // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. XX. С. 190–194.
- [14] *Lagerlöf S.* Antikrists mirakler Stockholm: Bonnier, 1920.
- [15] *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. XXVII. Л.: Наука, 1984. С. 5–40.

References

- [1] Suhii, O.S. (2018). Artistic Embodiment of the Conflict of Idea and Nature in “Crime and Punishment” by F.M. Dostoevsky and the Works by S. Lagerlöf: “Outcasts”, “Mr. Arne’s Money”, “Excommunicated”. In *Secrets of Mastery. Ethics, Religion, Aesthetics in the Work by Selma Lagerlöf* (pp. 172–183). Moscow: RGGU. (In Russ.)
- [2] Koblenkova, D.V. (2017). S. Lagerlöf’s Works and the traditions of Russian classical literature (the novel “The Portuguese Emperor”). In *Russia and Scandinavia: Literary Interactions at the Turn of the XIX-XX centuries* (pp. 313–322). Moscow: IMLI RAN Publ. (In Russ.).
- [3] Ivanov, A.N. *Selma Lagerlöf and Russian culture*. Retrieved from: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Ivanov_Lagerlof/ (In Russ.)
- [4] L’vovskij, A.O. (1999). “The Idiot” by F.M. Dostoevsky and Swedish Literature of the Early XX century. In *Scandinavian Philology*, (6), 158–165. (In Russ.).
- [5] Nolin, B. (1965). *Den gode europén. Studier i Georg Brandes’ idéutveckling 1871–1893*. Uppsala: Almqvist & Wiksell. (In Swedish).
- [6] Lagerroth, U.-B. (1963). *Körkarlen och Bannlyst : motiv- och idéstudier i Selma Lagerlöfs 10-talsdiktning*. Stockholm: Bonnier. (In Swedish).
- [7] Dostoevsky, F.M. (2008). Idiot. Part Four. In *Collected Works* (Vol. 6, pp. 7–140). Moscow: Mir knigi, Literatura Publ. (In Russ.)
- [8] Dostoevsky, F.M. (2008) Demons. Part two. In *Collected works* (pp. 7–204). Moscow: Mir knigi, Literatura Publ. (In Russ.)
- [9] Dostoevsky, F.M. (2007). *Brothers Karamazov*. Moscow: Jeksmo. (In Russ.)
- [10] Lagerlöf, S. (1924). *From Death to Life*. Transl. from Swedish by E.N. Blagoveshhenskoj. Petrograd: Izd-vo «A.F. Marks» Publ. (In Russ.).
- [11] Lagerlöf, S. (1910). *Complete Collection of Works. Vol. VI. Miracles of the Antichrist*. Translated by V. Korsh. Moscow: Izдание V. M. Sablina Publ. (In Russ.)
- [12] Kolcheva, T.V. (2018). Dystopian Motives in Selma Lagerlöf’s Novel “The Miracles of the Antichrist” and in “A Brief Story about the Antichrist” by the philosopher Vladimir Solovyov. In *Secrets of Mastery. Ethics, Religion, Aesthetics in the Work of Selma Lagerlöf* (pp. 159–171). Moscow: RGGU Publ. (In Russ.)
- [13] Dostoevsky, F.M. (1980). Socialism and Christianity. In *Complete Works* (Vol. XX, pp. 190–194). Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.)
- [14] Lagerlöf, S. (1920). *Antikrists mirakler*. Stockholm: Bonnier. (In Swedish).
- [15] Dostoevsky, F.M. (1984). The Writer’s Diary. In *Complete Works* (Vol. XXVII, pp. 5–40). Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Андрейчук Ксения Руслановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН. ORCID: 0000-0002-8906-9607; e-mail: enantiosemia@yandex.ru

Bio note:

Kseniia R. Andreichuk, Candidate of Philology, Senior Researcher at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science. ORCID: 0000-0002-8906-9607; e-mail: enantiosemia@yandex.ru